

© Блохіна Л. Л.

Блохіна Л. Л. — кандидат філологічних наук, доцент, завідувача кафедрою українознавства і лінгводидактики Одеської національної академії пищевих технологій.

УДК 130.2 : 316.7

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Процеси трансформації, що відбуваються в сучасному світі, формують необхідність вивчення духовно-культурної діяльності суспільства, щоб виявити основні тенденції і протиріччя соціального розвитку в історичній соціокультурній і соціоекономічній динаміці.

Ключевые слова: культура, общество, социокод, материальная культура, историческая динамика.

ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНОЇ ЕКОНОМІЧНОЇ КУЛЬТУРИ В КОНТЕКСТІ ФІЛОСОФСЬКОЇ РЕФЛЕКСІЇ

Процеси перетворень, що відбуваються в сучасному світі, формують необхідність вивчення духовно-культурної діяльності суспільства, щоб виявити основні тенденції і протиріччя суспільного розвитку в історичній соціокультурній та соціоекономічній динаміці.

Ключові слова: культура, суспільство, соціокод, матеріальна культура, історична динаміка.

FEATURES OF MODERN ECONOMIC CULTURE IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

The processes of transformation taking place in the modern world, are forming a need to study spiritual-cultural activities of society for identifying main trends and contradictions of social development in the historical socio-cultural and socio-economical dynamics.

Keywords: culture, society, sociocode, material culture, historical dynamics.

В современной экономической науке все большее влияние получает субъективная феноменологическая рефлексия как целевая установка на функциональный, а не каузальный анализ, т. е. отказ от исследования сущности экономического бытия, законов его развития. Это стало характерно в силу нарастающего преувеличения виртуальных отношений над материально-производственными [1], [2].

Проблема исследования экономического сознания значительно усложнилась в настоящее время, ибо происходит активный слом прежней научной картины мира, основывающейся на механицизме стационарного бытия [3]. Новые явления и процессы получили в науке интерпретацию как явления и процессы изменений, преобразований. Однако, например, преобразование понимается в формирующейся новой картине мира, по преимуществу механически, т. е. с позиции изменения частей целостного объекта, а не диалектически — с позиции развития целостности самого объекта [4].

Вследствие этого цель данной статьи состоит в изучении особенностей формирования, развития, преобразования разных типов экономического сознания и экономической практики на основе философско-рефлексивного понимания проявлений объективной экономической сущности жизнедеятельности общества, что позволит внести вклад в выработку научно взвешенной трактовки процессов отражения и развития глобальной и локальной экономической жизни.

Получает возможность расширения предметное поле экономической социологии посредством введения в научный оборот современных вопросов социологии экономической практики и экономического сознания с позиций различных подходов экономистами, философами, социологами.

Экономическое — внутренне присущая сторона социального, особая система организации социального, поэтому их нельзя ни противопоставлять, ни абсолютно разграничивать в объективной действительности [5]. Экономико-социологический анализ преобразований экономического сознания и практики должен, по нашему мнению, исходить из того факта, что субстанцию общественного бытия образует овеществленный труд. Общественный характер труда в своем развитии порождает преобразования субъективной и объективной стороны этого труда: сознания и практики.

Экономическое сознание — это совокупность знаний, идей, чувств, настроений и других компонентов сознания, которые есть процесс и результат отражения экономических действий и явлений, а также особенность понимания и отношения к ним.

Объектом непосредственного отражения экономического сознания является экономическая практика. Экономическая практика — это целеполагающая общественно-материальная, преобразующая деятельность людей, обусловленная исторически определенными экономическими отношениями. Эта практика имеет следующую структуру: реализация активности человека в материальной сфере, детерминированной законами объективного мира; собственно объективная материальная деятельность определенного вида на основе общественного разделения труда, опредмечивающаяся в конкретных результатах и являющаяся технологией («социокодом») деятельности; основана на знании — научном и ненаучном, которое задает цели и средства материальной деятельности.

В современной литературе сложилось исследование материального и духовного в экономической сфере на основе парных категорий «экономическое сознание» и «экономическое поведение». Последнее определяется как «человеческое поведение, связанное с выбором и принятием решения относительно альтернативного использования редких ресурсов (денег, материальных ресурсов, энергии и т. д.) с целью удовлетворения потребностей» [6]. На наш взгляд, более глубокий подход предполагает исследование на основе категорий «экономическое сознание» и «экономическая практика». В первом случае имеет место субъективно-функциональный феноменологический подход, не дающий каузального объяснения установки отчужденности людей от реализации своих способностей, от собственности, от результатов своей деятельности, а также снятия отчуждения человека от его объективаций. Это возможно лишь на основе понятия практики как способа существования общества, основной формы его бытия.

Содержание экономической практики определяется ее типом: общественно-материальная деятельность с целью получения прибыли, накопления капитала, порождает и воспроизводит рыночный (либеральный и прагматико-либеральный) тип практики, а та же деятельность для человеческого развития посредством коллективного характера, совместного способа ее осуществления на основе различных экономических укладов при господстве трудовой социализированной собственности — социально-ориентированный (нерыночный) тип экономической практики. Следовательно, отражающее тот или иной тип практики экономическое сознание становится и соответствующим типом экономического сознания.

Противоречия современного экономического развития и его пределы заложены не только в реальной действительности как таковой, но и в образе экономического мышления, в искаженном виде воспроизводящем эту действительность. Поэтому при анализе типа экономической практики нельзя отвлекаться от экономического сознания данного типа практики, но нельзя и солидаризироваться с ним, ибо это сознание требует рациональной интерпретации с научных позиций. Здесь возникает антиномия свободы человеческого действия (вплоть до субъективного произвола) и исторической необходимости: человек делает больше, чем понимает, и очень часто не понимает, что он сделал. То есть, будучи практическим проводником своих намерений, он не всегда видит их идеальную (трансцендентально-смыслообразующую) проекцию.

Экономоцентризм западного экономического мышления, в искаженном («денежном») виде воспроизводящего все разнообразие социальных связей и отношений, и является пределом либерально-рыночного экономического сознания, сужающего горизонт разнообразного восприятия реальной действительности. Но даже если агенты рыночной практики осознают свой экономоцентризм и захотят его преодолеть, опираясь на возможности относительной самостоятельности сознания, им это вряд ли удастся. Ибо экономическое сознание всегда обслуживает и решает те задачи, которые ставит наличное экономическое бытие и его феномены в виде исторически обусловленной экономической практики.

Для понимания исторических особенностей и типологизации основных форм материальной (экономической) деятельности обществ воспользуемся содержательным анализом взаимосвязи человека и культуры на основе типологизации «социокодов» человеческой деятельности [7]. Социокод — это преемственное воспроизведение людьми определенных навыков, характеристик и ориентиров практической деятельности. В роли социокода как кода социальной наследственности в жизнедеятельности общества выступает знак с его способностью фиксировать и хранить значение социально-необходимой материальной деятельности. Любое общество располагает не биологическими, а социальными средствами кодирования своей деятельности на основе своей сущности — общественной формы труда. Поэтому социокод определяет особенности бытия исторически конкретного общества посредством разных типов трансляций знания в двух формах его существования:

1) как деятельности (т. е. развертывания знания как актов процесса перехода от общего — «знания для общества» к единичному — «знания для деятельности человека»);

2) как знака — средства трансляции в социальных пространстве и времени суммы накопленного знания. Последнее «пересаживается» в человеческую голову, а затем переводится в деятельность человека, в практику.

Можно выделить три типа социокодов для воспроизводства и развития исторически определенной материальной деятельности: лично-именной, профессионально-именной, универсально-понятийной. Первый тип характерен для семейного, общинного хозяйства как добывания средств к жизни у природы. Второй тип — для традиционных, докапиталистических обществ, где производство и торговля имеют своим пределом удовлетворение потребностей членов общества. Третий — для современных обществ с рыночной экономикой, возникших в странах Западной Европы в XVI в.

В социокоде первого типа закрепляется устойчивый и конечный по числу набор имен, в которых распределены хозяйственные формы деятельности: охота, рыболовство, собирательство и т. д. Здесь роли распределены среди конечного круга лиц общины, рода. Конкретный человек лишь временно, в течение жизни, исполняет обязанности имени, а имя выступает «вечным» ролевым набором в актах последовательной передачи от одного носителя к другому. Здесь отсутствует привычное нам кодифицированное знание в форме законов природы, хозяйствования и т. д. Поэтому устойчивость и преемственность этого типа социокода исходит из возможностей человеческой памяти, что предполагает, по преимуществу, лишь его обновление, а не развитие.

Профессионально-именной тип социального кодирования деятельности характерен для обществ, где преобладающая форма хозяйственной практики — тоже натуральное хозяйство (земледелие, скотоводство, ремесло), но часть прибавочного продукта здесь предназначена для обмена, который носит постоянный характер.

Земледелие и скотоводство давали возможность отчуждать до 15–20 % произведенного продукта труда. Поэтому около 80 % населения в таком обществе — это профессионалы земледельцы, скотоводы с унифицированным набором ролей-навыков, а вокруг них вырастают ролевые наборы ремесленников, жрецов, воинов, музыкантов, поэтов, чиновников и т. д. в рамках оставшейся квоты продуктов труда [4].

Основную трансляционную нагрузку социальной памяти здесь несет семья: новые поколения с детства включены в труд старших и постепенно осваивают их навыки. При этом четкая дифференциация богов-покровителей задает этому типу материальной культуры направленность в специализацию (например, в форме цеховой системы), что придает ей устойчивость, но блокирует инновационную функцию данной культуры. Это имеет негативные последствия: накапливая огромные знания, общества данного типа могут быть подвергнуты разрушению от незначительных экзогенных причин, чтобы начать свою жизнедеятельность заново (как вавилонские, египетские, китайские царства разных эпох).

Социальная трансмутация на основе торгового мореходства Древней Греции разрушила основу профессионально-именного типа социокода — изъятие 15–20 % продукта натурального хозяйства на нужды специализации. Появилось совмещение профессий и перевод профессионально-сакральных навыков в личные навыки человека. Появился человек-универсал, в голове которого совмещаются самостоятельные, прежде различные профессиональные знания. Это совмещение шло посредством понятийной универсализации языка на основе его грамматики. Связь хозяйственных навыков далее стала фиксироваться не только в голове, но и вне головы, благодаря книгопечатанию, а сейчас компьютеру, как инструментам накопления нового знания. Все это породило новую, универсально-понятийную схему социального кодирования материальной культуры общества.

В основе трансформации второго типа социокода в третий лежит развитие опытной науки, потребности формирования национальных государств и развития внешней торговли между ними, которые породили светско-прагматический подход к оценке хозяйственных решений, их приспособления к меняющимся условиям жизни. Новый социокод способствовал перевороту в производительных силах общества, ибо принципиально новую технику и технологии нельзя было ввести через первые два типа социокодов (лично-именной, профессионально-именной). Это стало возможным лишь на основе универсально-понятийного знания, которое может существовать в отрыве от головы человека — в книге, на дискете, CD-диске, *flesh-memory* и т. д. В этом случае открытый закон, «*ноу-хау*» и т. д. можно использовать в другом месте, времени, условиях вполне самостоятельно и с учетом тех или иных интересов. Это способствовало резкому экономическому

росту: с 0,01–0,1 % в год в традиционном обществе до 2 % в год в современном капиталистическом обществе [4].

Именно с возникновения общества модерна в XVI в. возникает и идея разнонаправленного развития материальной культуры разных обществ на Земле. Однако развитие получает универсальная гегелевская идея о едином пути развития человечества как осознании исторической иерархии между европейскими и неевропейскими типами материальной культуры. При этом появилась недооценка разнообразия форм реализации конкретного типа социокода в материальной культуре конкретного общества с учетом его исторических традиций, преемственности и ментальности народа. Кроме того, если линейный путь преобразования социокода первого типа во второй, а второго в третий — универсально-понятийный (он занял в европейской цивилизации более трех тысяч лет) является желаемо-обязательным для всех человеческих культур, то путь этот заведомо непроходим для неевропейских стран, народов, ибо исходит из концепции «догоняющего развития». Понимание данного обстоятельства подвигло неолиберальную экономическую мысль к постулированию естественности экономического неравенства в мире и необходимости, по существу, нефеодалных порядков (господство неэкономических инструментов воздействия по сравнению с экономическими) для эффективного управления мировой экономикой в своих целях наживы и насилия. С этой точки зрения все идеи о социальной справедливости не более чем благодущные утопии, которые «размывают» суровую реальность: использование всех неевропейских обществ лишь как средств для поддержания достигнутого качества жизни западноевропейской цивилизации.

Может быть и другая точка зрения: все три типа социокодов могут быть интегрированы различными типами обществ посредством интеграции социального знания, тогда все человеческие общества могут стать едиными по возможностям своего развития (а не только западноевропейские). Для этого необходима иная, не стоимостная экономическая основа развития человеческого общества, преодолевающая утилитарный мир материальных ценностей, способствующая будущему духовному преобразованию мира. Такой единственно научной экономической основой пока остается потребительно-стоимостная теория социально-экономического развития общества [8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ангелов Г. В., Калашник В. І., Старовойтова І. І., Терзієв В. Г. Соціалізація та ідентифікація особистості. — Київ — Ізмаїл: СМІЛ, 2000. — 240 с.
2. Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. — Тбилиси: Мецниереба, 1989. — 206 с.
3. Психолого-социологические технологии в современном менеджменте / Под общ. ред. С. Р. Гриневецкого и Г. В. Ангелова. — Киев — Одесса: СМІЛ, 2005. — 384 с.
4. Социология воспитания управленческого персонала / Под общ. ред. Г. В. Ангелова. — Киев — Одесса: СМІЛ, 2003. — 308 с.
5. Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? / Р. Сведберг // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — Том V. — № 2 (18). — С. 19.
6. Раай В. ван. Экономика и психология / В. ван Раай // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2-х т. / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. — СПб.: Экономическая школа, 2002. — Т. 2. — С. 974.
7. Петров М. Человек и культура в научно-технической революции / М. Петров // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 79–92.
8. Ельмеев В. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии / В. Ельмеев. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

Богайчук В. Ж. кандидат політичних наук
УДК 323.282

РОЛЬ И ХАРАКТЕР НАСИЛИЯ В ПОЛИТИКЕ

В статтєе рассматривается проблема насилия в политике, его потенциальное социальное содержание, сущность и формы реализации в различных политических режимах.

Ключевые слова: *насилие, политика, политическая элита, режим, терроризм, репрессии.*

РОЛЬ ТА ХАРАКТЕР НАСИЛЬСТВА У ПОЛІТИЦІ

У статті розглядається проблема насильства в політиці, його потенційний соціальний зміст, сутність і форми реалізації в різних політичних режимах.

Ключові слова: *насильство, політика, політична еліта, режим, тероризм, репресії.*

ROLE AND NATURE OF VIOLENCE IN POLITICS

In statte the problem of violence in politics, and its potential social content, the nature and forms of implementation in different political regimes.

Keywords: *violence, politics, the political elite, the regime, terrorism, repression.*

Политическое насилие всегда играло и продолжает играть большую роль в жизни общества. Войны, революции, политические убийства, репрессии по отношению к противникам отмечаются в истории человечества с древнейших времен.

Вместе с тем насилие — это опасное средство политической борьбы. С одной стороны, оно позволяет осуществлять глубокие преобразования общественных отношений. С другой — терроризм, как неограниченное насилие, является источником дестабилизации любой политической системы. Особенно это характерно для режимов, находящихся в стадии становления. Поэтому эта **проблема актуальна** для современного украинского общества.

Цель работы — критически проанализировать роль и характер насилия в политике

По сути, насилие представляет собой применение определенной социальной группой, организацией или отдельными личностями (чаще всего политическими лидерами) различных форм принуждения с целью приобретения или сохранения своего господствующего, ведущего положения в обществе. Оно выступает или в виде прямого насилия, которое выражается в непосредственном применении силы (война, вооруженное восстание, политические репрессии, террор), или в форме косвенного (скрытого) насилия, которое не предполагает непосредственного использования силы (различные формы духовного, психологического давления, политическое вмешательство, экономическая блокада), а включает в себе лишь угрозу применения силы (политическое давление, дипломатический ультиматум).

Применение насилия в политике обуславливается несовместимостью интересов его субъектов, что заставляет их ради реализации своей воли прибегать к средствам принуждения и с их помощью преодолевать противодействие других субъектов. Характер насилия тесно связан с формой реализации политической власти, которая может реализоваться в двух основных формах: господства и руководства. Господство, которое характерно для авторитарных режимов, предполагает полное доминирование какого-либо класса или группы в обществе и опирается на применение насилия в крайних, прямых формах [1].

В демократических режимах власть реализуется в форме руководства, которое предполагает осуществление социальной воли той или иной группы с помощью авторитета, убеждения, влияния, экономического стимулирования, а также использования не прямых путей принуждения. Таким образом, даже в демократических государствах есть насилие, но оно сведено к минимуму, ограничено четкими правовыми и нравственными рамками.

Может ли насилие играть позитивную роль в политике и быть оправданным? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Все зависит от конкретных исторических обстоятельств. Насилие оправдано в том случае, когда, например, политическая борьба ведется против тоталитарного режима и отсутствуют легальные возможности для действий оппозиции. Насилие является справедливым и в случае отражения не спровоцированной вооруженной агрессии извне, при подавлении вооруженного мятежа и других насильственных действий, направленных на свержение демократического государственного строя.

В любом случае насилие должно быть поставлено в жесткие юридические и нравственные